

Заколка из лунного света: Сон Вэньбо в Лунном дворце

Шелковая нить лунного духа — свидетель клятвы прежних жизней

На мотив Ташасин: Встреча в лунных чертогах

Сгустился аромат лунного духа, звездная ладья несет мечты,

На облачных ступенях внезапно мелькнула тень прекрасной девы.

Струящиеся одежды колышутся в лунном свете, словно шаги по лотосам,

Нефритовая заколка в волосах, прохлада в дымке заката.

В зеркальном море тонут стихи, на небесах начертаны строки,

Следы в сердце — тайный залог клятвы трех воплощений.

Не говори, что в небесных чертогах мало тепла,

Стоит лишь взглянуть в глаза — и весна в горах пробуждается.

Вернувшись в мир людей, Вэньбо прожил семь дней, и всё это время ночные события казались ему сном. Но в ночь полнолуния нефритовая подвеска с лунным следом, которую он носил на груди, внезапно засияла мягким теплом. Струя лунного света поднялась от нефрита и прямо перед окном обрела очертания знакомой звездной ладьи.

— Господин Вэнь, Лунная повелительница приглашает вас вместе насладиться праздником Лунного эпифиллума, что случается раз в тысячу лет, — донесся из сияния голос Сычэнь. Она была всё в том же белоснежном платье, но вместо прежней заколки в волосах красовалась шпилька Млечного Пути, по которой струилось живое звездное сияние.

Вэньбо, не раздумывая, ступил на борт ладьи. В этот раз внутри появился столик из плывущих облаков, а на нем дымилась роса с ароматом османтуса. Ваншу и Суэ с улыбкой ожидали его: одна держала кисть для записи снов, другая — цитру Минцюань.

— Повелительница специально велела сделать так, чтобы вы увидели самые прекрасные виды нашего дворца, — произнесла Ваншу. Суэ коснулась струн, и ладья, окутанная чистыми звуками музыки, отправилась в путь.

По прибытии Вэньбо увидел, что весь дворец Гуанхань залит фантастическим свечением. На священных деревьях распустились светящиеся звездные цветы, в коридорах, где струился свет, зазвенели небесные колокольчики, а озеро Лунного зеркала покрылось редкой семицветной рябью.

— Всё это приготовлено к празднику, — Сычэнь повела его к новой террасе Ланььюэ.

Это был высокий помост из белого нефрита, парящий в море облаков. Ограждение из радужной дымки меняло цвета, а в центре стояло кресло, выточенное из цельного куска лунного кристалла. Самым удивительным было то, что стоило ночному ветру коснуться его, как в воздухе начинала звучать едва уловимая музыка.

Чанъэ уже ждала его. Сегодня она была в платье из тысячи лепестков лотоса, которые распускались слой за слоем, и с каждым ее шагом на подол осыпались крошечные искры звезд. Вместо прежней заколки ее волосы украшала шпилька с двумя бабочками, догоняющими луну, — казалось, они вот-вот вспорхнут в небо.

— Ты пришел, — она слегка улыбнулась, и этот взгляд был нежнее воды в лунном озере. — Ты как раз успел к началу цветения.

Она указала на сад Фантазий, разбитый под террасой: тысячи бутонов медленно раскрывались. Самым примечательным был цветок Лунного императора в центре сада, который могли обхватить десять человек. Его лепестки были полупрозрачными, словно глазурь, а внутри пульсировали золотые жилки света.

— Этот цветок расцветает раз в тысячу лет, и в момент его цветения можно увидеть прошлые и будущие жизни тех, у кого есть предначертанная связь, — тихо пояснила Чанъэ. Ее пальцы случайно коснулись руки Вэньбо, и обоих пронзила легкая дрожь.

В этот момент подошла Ваншу со свитком Мечтаний:

— Повелительница, время пришло.

Чанъэ кивнула и, взяв Вэньбо за руку, повела его к цветку. По мере их приближения огромный бутон начал дрожать, лепестки раскрывались один за другим, источая дурманищий аромат. Когда цветок полностью распустился, из его сердцевины ударил золотой свет, явив в воздухе изумительную картину.

В свете теней молодой ученый рисовал под луной, и женщина на его картине была на восемь частей похожа на Чанъэ. Еще удивительнее было то, что на поясе у ученого висел тот самый нефрит Тайцзи, который Вэньбо подарил Чанъэ.

— Это... — Вэньбо в шоке посмотрел на нее.

В ее глазах блеснули слезы:

— Триста лет назад один ученый каждую ночь рисовал при луне, вкладывая всю свою тоску в Лунный дворец. Оказалось, это была твоя прошлая жизнь.

Свет продолжал мерцать, показывая новые фрагменты: ученый заболел и умер, пытаясь спасти ребенка, до последнего вздоха глядя на яркую луну; Чанъэ в небесном дворце почувствовала

его уход и, скорбя, пролила слезы, ставшие дождем.

— Неудивительно, что при первой встрече ты показалась мне такой знакомой, — прошептал Вэньбо, невольно сжимая руку Чанъэ.

Суэ заиграла мелодию Тоски, и музыка была полна бесконечной печали. Звезды падали с неба, сплетаясь вокруг них в ослепительную сеть. Чанъэ достала из рукава узел единения и повязала его на запястье Вэньбо:

— Это сплетено из красной нити у входа в храм Юэлао. Если повязать ее, мы встретимся, даже пройдя через перерождения.

Погладив теплую красную нить на запястье, Вэньбо осенило. Он одолжил у Ваншу кисть, расстелил шелк на облачном столике и начал рисовать, черпая краску прямо из звездного сияния. Через мгновение на шелке ожила красавица под луной. Чанъэ стояла рядом с цветком, с улыбкой в глазах, и ветер играл ее лентами — картина казалась даже более живой, чем сама реальность.

— Тебе нравится мой ответный дар?

Чанъэ смотрела на свое изображение, не в силах вымолвить ни слова от радости. Она осторожно свернула свиток, бережно спрятала его в рукав и сняла с волос шпильку с бабочками:

— Эта заколка была со мной девятьсот лет. Сегодня дарю ее тебе — смотри на нее, как если бы смотрел на меня.

Когда они предавались нежности, пришла Сычэнь:

— Повелительница, из Яшмового пруда доставили приглашение на пир Персиков бессмертия.

Чанъэ взяла приглашение, написанное на персиковой ветке, и слегка нахмурилась:

— В этот раз отказаться не удастся. — Она повернулась к Вэньбо, и в ее глазах читалась грусть.

— По законам небес пир продлится восемьдесят один день...

Сердце Вэньбо дрогнуло:

— Я буду ждать тебя в мире людей. Восемьдесят один день — это лишь мгновение.

Чтобы облегчить разлуку, Ваншу придумала план. Она принесла два зеркала единения: в ночь полнолуния, глядя в них, можно было увидеть друг друга. Суэ подарила Вэньбо семена цветов Передачи звука, чтобы он посадил их в мире людей и мог разговаривать с ней на расстоянии.

Перед прощанием Чанъэ отвела его на высшую террасу Желаний. Там висели бесчисленные

раковины, внутри которых хранились несбывшиеся мечты небесных дев.

— И я загадаю желание, — Вэньбо закрыл глаза, прошептал что-то, и когда открыл их, раковина рядом с ним засияла мягким золотом.

Чанъэ с любопытством спросила:

— О чем ты попросил?

Вэньбо улыбнулся, не ответив, лишь глубоко посмотрел ей в глаза. На самом деле он пожелал: Пусть твоя улыбка никогда не увядает.

На обратном пути ладья не полетела прямым курсом. Сычэнь сделала крюк через водопад Млечного Пути, Ваншу провела их через радужный мост, сотканный из семицветного света, а Суэ позволила задержаться в море облаков, чтобы Вэньбо любовался, как они разыгрывают древние легенды.

Когда он вернулся домой, небо начало светлеть. Вэньбо распахнул окно, встречая рассвет, а от подвески на груди всё еще исходил прохладный аромат Лунного дворца. Он посадил семена цветов, бережно убрал заколку и начал ждать следующего путешествия.

А в это время в Лунном дворце Чанъэ прихорашивалась перед зеркалом. В нем отражалась уже не холодная повелительница, а влюбленная девушка с сияющими глазами. Она нежно коснулась нефрита Тайцзи на поясе и улыбнулась своему отражению.

Сычэнь, увидев это из-за двери, тихо сказала Ваншу и Суэ:

— Кажется, в нашем дворце скоро будет праздник.

(Глава вторая завершена)

<http://bllate.org/book/18930/1852315>